

Н. А. МИНЕНКО,
Институт истории и археологии
УрО РАН
г. Екатеринбург

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В «ЛЕТОПИСИ УРАЛЬСКИХ ДЕРЕВЕНЬ»

Возрождение России немислимо без освоения богатейших культурных традиций населяющих ее народов, в первую очередь — русского народа. Между тем многие из этих традиций с завидным упорством выкорчевывались на протяжении последних семи с лишним десятилетий. Если говорить о традиционной деревенской культуре, то в ней вообще не усматривали какого-либо позитивного содержания — и в литературе (научной, публицистической, художественной) и в общественно-политической практике господствовала трактовка русского «дсколхозного» крестьянства как невежественной, забитой, лишенной всяких общественных интересов и демократических навыков силы.

Подобные оценки были следствием целого ряда причин.

Они отвечали политическим лозунгам большевиков, советского тоталитарного государства, задаче утверждения в деревне административно-командной системы. После октября 1919 г. и в особенности в годы сталинских пятилеток резко выросла численность слоя людей, о которых в деревне говорили: «Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» (или: «Несчастливая Матрена — ни пава, ни ворона»). Это были «новоиспеченные» горожане, выбившиеся, как они сами полагали, «в люди», стеснявшиеся своего крестьянского происхождения и до революции пристраивавшиеся, как правило, лакеями в барских домах или половыми в трактирах, а позднее составившие немалую долю советской номенклатуры. Усвоив внешний «доск» городской жизни, они, по словам М. М. Громыко, «с лакейской бесцеремонностью клеймили «деревенщину»¹. Вместе с М. Горьким они мечтали о том времени, когда, наконец, вымрут «полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей».² Между тем именно этими «тяжелыми людьми» в значительной мере ге-

перировалась и воспроизводилась русская национальная культура.

Сегодня общество осознало свои заблуждения в отношении деревни, ощутив потребность в восстановлении «связи времен», реконструкции утерянных традиций. Подготовка «Летописи уральских деревень» стала составной частью начавшейся практической работы в этом направлении. В «летописи» должна, в частности, найти подробное отражение традиционная хозяйственная культура крестьянства. Русские крестьяне накопили богатейший опыт хозяйствования на земле, базирующийся на учете конкретных местных условий; изучение этого опыта имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

Своеобразным рубежом в формировании народных агро-традиций на Урале стал конец XVI в., когда началось массовое переселение сюда с запада русских крестьян.³ Для переселенцев уральские условия оказывались экстремальными. Низкие температуры, большая продолжительность зимнего периода, непривычные вредители сельскохозяйственных растений, специфика местных почв — все это заставляло их с первых дней обратиться к «опытничеству». Путем проб и ошибок крестьянин определял оптимальные сроки полевых работ, приемы обработки земли и поддержания ее плодородия, способы ухода за культурными растениями, их обработки и хранения, содержания и выпаса скота, промысловой деятельности. Потомки переселенцев сохранили интерес к хозяйственному экспериментаторству. Иногда в «опыте» оказывалось задействованным все население той или иной деревни.⁴ Не удивительно, что именно Урал стал родиной целого ряда усовершенствованных сельскохозяйственных орудий.⁵

В ходе реконструкции народной энциклопедии сельскохозяйственного производства необходимо обратить внимание не только на технику, системы земледелия, календарь работ, состав и сортность культур и пр., но и на эмпирические знания крестьян о природе, их экологическую культуру, опыт взаимодействия с окружающей средой, нормы поведения, связанные с трудовой деятельностью, традиции народного трудового воспитания.

Современная программа трудового воспитания детей может воспользоваться давними крестьянскими традициями,

учитывающими половозрастную специализацию в разных видах труда и на разных этапах одного и того же производственного процесса.

Особого внимания заслуживает изучение опыта той системы воспитания и образования, который сложился и функционировал в русской деревне. В этой системе важная роль отводилась историческим знаниям народа.⁶ «Анализ исторических представлений крестьянства, — пишет М. М. Громыко, — имеет прямое отношение к изучению кардинальных вопросов общественного сознания, прежде всего к проблеме формирования и развития национального и патриотического самосознания».⁷ Интерес представляет не столько информативная сторона исторических знаний, сколько их концептуальная основа, оценки, которые давались коллективной памятью народа событиям и деятелям прошлого. Впрочем, важно изучить также, какие именно факты отбирались народной памятью и чем этот отбор определялся. В качестве источников при этом могут быть использованы записи крестьянского фольклора, крестьянские краеведческие сочинения. Большую ценность представляют, например, «сказки», записанные на Урале Д. К. Зелениным, П. Словцовым и «старинные песни», которые в 1871 г. исполняла для П. М. Вологодского 60-летняя крестьянка с Полевского завода А. Ушакова. Она слышала «эти песни еще в своей молодости от одной крестьянки, 80-летней старушки, уроженки села Полдневого, находящегося в 18 верстах от Полевского завода» и др. Важно будет зафиксировать на бумаге и те предания о прошлом страны, Урала, отдельных сел, деревень, семей, происхождения семейных фамилий, которые пока хранятся лишь в памяти стариков.

Многовековой опыт подсказывал крестьянам, что формирование полноценной личности предполагает, помимо прочего, воспитание и определенных нравственных представлений и правил поведения. Изучение этических традиций крестьян — важнейшее направление работы авторов «Летописи уральских деревень».

Основанная на непреходящих нравственных ценностях, освоенных длительным коллективным духовным опытом, народная этика была приспособлена к трудовому образу жизни. Правила поведения в своем доме, в гостях, на улице, в хороводе, в поле, манеры, вопросы репутации, роль общест-

венного мнения как регулятора поведения — всё это входит в понятие «этикета». В данном случае, как, впрочем, и в других, ведущая роль принадлежала семье и общине. Вообще представляет чрезвычайный интерес многообразный исторический опыт русской деревни по увязыванию интересов отдельной личности, семьи и общины — во всех его социальных и региональных вариантах. Без обращения к исследованию крестьянской семьи и крестьянской общины — этих основных сельских микроструктур — невозможно реконструировать в полном объеме традиционную культуру крестьянства. Семья и община — важнейшие компоненты этой культуры. Изучению подлежат добрачные отношения полов, формы брака, структура семьи и общины, их функции, внутренний строй, порядки землепользования в общине, деятельность сходов, совета стариков, обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, похоронно-поминальные обычаи и обряды. При этом исследователь имеет возможность использовать специальные программы, разработанные И. В. Власовой, Т. А. Листойвой, И. А. Кремлевой.⁹

Обращение к конкретному материалу (опубликованному, архивному, собранному в ходе историко-этнографических экспедиций) позволит опровергнуть многие неверные представления, ставшие стереотипами, вроде: «рабское положение женщин», «произвол родителей», «верховенство кулаков» и т. д. Разве могла забитая крестьянка написать царю подобное послание: «А ныне она, мать моя, без совету дяди моего и иных сродичей, отдает меня в замужество за гулящего человека, за пропойца и за шеровщика. А я... за него, гулящего, за пропойца и за шеровщика, в замужество нейду. А буде она, мать моя, за него гулящего, силой в замужество отдаст, и я сама на себя руки подыму: утоплюсь или удавлюсь, а с ним не буду жить»¹⁰... — Так писала в 1700 г. в челобитной на имя Петра I уральская «крестьянская дочь» Татьяна Петрова. Такого рода фактов, свидетельствующих о решающем значении при заключении браков мнения молодых, а не их родителей, можно привести много.

Та же Татьяна нашла поддержку у восwoды. Крестьянскую семью спланивали чувства взаимной любви, уважения, взаимной преданности, а не сила принуждения. Доказательства можно найти, в частности, в письмах крестьян, сохранившихся в архивах. Например: «Во известие тебе пишу, Евдо-

кея Стефановна, — говорилось в послании жене жителя Шарташской деревни Семена Парфеновича (вместе с сыном Андреем он по обвинению в «раскольнических делах» содержался в тобольской тюрьме); — слышно чрез людей, что ты весьма пьянствуешь и весьма находишь непорядочными случаями на невестушку Федору Родионовну и, слышно, что ты... весьма ее бьешь. И так об ней весьма Андрей сокрушаетца..., что ты непорядочно с ней поступаешь: недели с три в постеле лежал с печали. И весьма нас со своим пьянством сокрушаешь. И впредь такими порядками с ней не поступай; буде ежели в чем она непорядочно поступать будет, то ты, друг моя, пиши»¹¹ (1752 год).

Из архивного материала видно, что даже к обличаемой в дурном поведении супруге крестьянин адресуется по имени-отчеству, называет ее «друг моя»: еще больше впечатляет повеление Андрея. Узнав, что мать обижает его жену Федору Родионовну, он «с печали слег на три недели».

Еще ряд примеров из переписки крестьян с их семьями: «Жил с женою своею в мирном согласии: «с мужем своим, крестьянским г.г. Демитовых Лайского завода Иваном Быковым, жила в добром согласии и любви»: «в общежитии он всегда скромен и добр для всех домашних, трезв и любил покойную жену свою... также и она соответствовала ему, во всем старалась угождать ему по привязанности супружеской».¹² С такого рода оценками постоянно приходится встречаться, знакомясь с «характеристиками» крестьян, содержащимися в архивных документах XVIII—XIX вв.

В литературе и общественном сознании сложилось явно деформированное представление о крестьянской общине — она предстает в роли своеобразных пут, сдерживающих развитие деревни, сковывающих хозяйственную инициативу. Между тем на Урале и Сибири, судя по вовлеченному в научный оборот материалу, община отнюдь не мешала хозяйственной предприимчивости крестьян. Вместе с тем участие в работе общинных институтов, прежде всего — схода, положительно сказывалось на формировании правовой грамотности крестьян, их политической культуры, традиций деревенского коллективизма, деревенской демократии. Те, кто утверждает, что Россия — страна без демократических традиций, просто плохо знает историю: в крестьянской общине, например, решались многие важные вопросы жизни деревни и причем, как правило, на демократической основе.¹³

В «Летописи уральских деревень» должно найтись место и для материальной культуры крестьян: одежды, жилых и хозяйственных построек, пищи, средств передвижения, предметов обихода. Орудия и техника прядения, ткачества, шитья и вышивания; традиционный костюм женщин и мужчин, детей и стариков; головные уборы, обувь, украшения; типы застройки селений и домов, их внешний вид и интерьер; амбары, хлевы, погреба; блюда и рецепты; посуда; сани, телеги — все это требует детальной реконструкции.

Интересно будет проследить и особенности уральской лексики. Например, в районе Верхотурья говорили: «баситься — наряжаться», «зобенка» — плетенка из лык, «кысы» — обувь из конской шкуры; «скуты» — суконные онучи, «повалиха» — кушанье, приготовление из муки с маслом, «кулебака» — неудачная стряпня.¹⁴

Что касается духовной культуры, то прежде всего стоит остановиться на вопросах веры. В системе традиционного сознания именно религиозное мировоззрение было ведущим, структурообразующим элементом. Являясь несущей конструкцией всей картины мира, оно оказывало сильнейшее влияние на другие стороны крестьянского сознания. Все сферы жизни русской деревни в прошлом пронизывали проявления христианства, хотя они долгое время в отечественной историко-этнографической литературе затенялись, искажались, просто игнорировались. Новое понимание роли и места в обществе православной религии и церкви, отказ от вульгарно-атеистических догм позволяют выдвигать вопросы религиозной жизни деревни в качестве одного из важнейших направлений исследования.

В программу работы авторов «Летописи уральских деревень» следует включать реконструкцию церковного календаря, религиозной основы крестьянской этики и системы воспитания. Должна быть изучена деятельность приходской общины, история сельских церквей, сельского духовенства. Местные святые, особо чтимые иконы, хождения на богомолье, престольные праздники — круг вопросов оказывается в данном случае достаточно широким. В «Пермских губернских ведомостях» приходится встречаться с такими, например, объявлениями: «...государственные крестьянские девицы Ирбитского уезда, Бобровской волости, села Пленского Агафья Сильвестрова и Парасковья Гаврилова Шнюковы от-

бывают в г. Одессу для путешествия в Иерусалим на поклонение св. местам».¹⁵ «Из давних лет мы имеем... обещание ехать Казанской губернии, Вятской провинции в город Хлынов помолитца святым мощам Николаю Можайскому Чудотворцу и Иоанну Пустынному», — писали в октябре 1740 г. на имя Анны Иоанновны крестьяне Красномысской слободы А. И. Сычюгов и Т. Т. Сычев.¹⁶ Другие отправлялись на богомолье в Верхотурье, в Тобольский Абалакский монастырь и др. места. Интерес к этой стороне жизни уральской деревни вполне обоснован.

Известно, что Урал был одним из центров русского старообрядчества. История уральской деревни неразрывно связана с историей раскола. Факт этот должен быть отражен в «Летописи»... — так же, впрочем, как и элементы древних верований, языческой обрядности, сохранившейся до новейшего времени.

В быту крестьян широкое хождение имели разного рода «наговоры», «присушки», «приметы» и пр. В 1753 г., например, были привлечены к следствию жители Полевского завода Уляян Рудаков и Татьяна Мерденева. У Рудакова обнаружили «волшебную книжку» к «присушке дев и ко отваге печали»; он признался, «что написал ее» со слов Мерденевой. Последняя на допросе «и сама не заперлась», заявив, что «волшебным словам» «обучала» ее свекровь («которая уже помре») — крестьянка Анна Евдокимова Мерденева.¹⁷ «Наговоры» использовались в народной медицине. Вообще народная лечебная практика — важный элемент традиционной культуры. При изучении ее следует обратить внимание на народные представления о происхождении болезней, способам лечения, лекарственные средства, механизмы трансляции медицинских знаний, деятельность «знахарей». Большую помощь при этом могут оказать материалы, собранные Уральским обществом любителей естествознания.

В 1872 г. УОЛЕ начало сбор сведений о лечебных травах, употребляемых «простонародием»; из различных уездов стали поступать не только описания трав, но и целые их коллекции. В числе тех, кто присылал травы (с рецептами их употребления), были и сельские учителя, и медицинские работники, и торговки, и крестьяне. Знакомившийся с поступившими материалами О. Е. Клер отмечал, что в различных местностях Урала одному и тому же растению давались раз-

ные названия; в то же время одно и то же название могли давать «совершенно различным травам».¹⁸

Особенностям языка населения данного района, данной деревни необходимо уделить при составлении «Летописи» самое пристальное внимание. Целесообразно составить словарники местных слов и выражений, описать говоры, произношения. «Все эти жители, — писал в конце XIX в. о «населенниках» Верхотурского уезда И. Токмаков, — по своему началу хотя и переселенцы из других краев России, однако же говорят своим местным языком, употребляют свои слова и имеют свои особенные предания».

Некоторые из тех и других имеют значение по всему Пермскому Зауралью и даже по всей Пермской губернии. В говоре верхотурцев... в глаголах настоящего времени третьего лица единственного числа и первого лица множественного числа буква «е» часто выбрасывается; например: «бегат», «делат» — «бегам», «делам». Местоимение «он» в дательном падеже множественного числа употребляют «имя» и «емя». К слову «весь» во множественном числе прибавляют «и», например: «всенх», «вссим» и «всемя». Букву «щ» произносят как «ши» и «сш»; например: вместо «щека» говорят «сшока», вместо «щупать» говорят «шшупать». Вместо «что» во многих случаях говорят «чего» или, по здешнему, «чево», например: «чево ты делаешь?». Все вообще говорят на «о»; например: «хорошо», а не «харошо». Говорить же на «а», значит, по словам здешних жителей, говорить «свысока».¹⁹ По свидетельству А. Н. Зырянова (1855 год) «около Перми и Кунгура» примечательно «коверкали» некоторые слова вместо «человек», «часы», «чего», «что» говорили: «целовек», «цасы», «цово», «цо»: вместо «целовать», «церковь» — «человать», «черковь»; вместо «магнит» — «махнит» и т. д.²⁰ Изучение языка, как можно заметить, помогает выявить происхождение первопоселенцев той или иной местности, той или иной деревни.

Картина жизни деревни будет неполной без реконструкции праздничной культуры народа, крестьянских развлечений. Вечеринки, сделки, хороводы, супрядки, игры и пр. формы «увеселений» нашли отражение во многих документах, воспоминаниях, путевых заметках. Тот же А. Н. Зырянов в «Путевых заметках» от Каменского завала до г. Перми дал описание крестьянских «пирושек», происходивших на

Сырной неделе, «в самую пору мирского разгула» (середина XIX в.). Одна из таких «пирушек» (в Красноуфимском уезде) привлекла путешественника «скромными благоразумными беседами о предметах житейских и земледельческих»; вторая удивила своим «вакхическим весельем». «Катанья на лошадях и ледяные горки, или катушки, — писал Зырянов, — водятся по всему Уралю. В Сыертском заводе масленица была изображена в виде одnogорбого верблюда из соломы и конских ергаков; в Бисертской крепости был поставлен на льду гладкий, острогранный шест, в 3—4 сажени вышиною; на макушке развевался кусок красной бумажной материи; шест был обнесен снежною оградой с аккуратным забором из снопов соломы; пол в ограде был устлан тоже соломою. Здесь-то предприимчивые охотники должны были лезть по шесту, при многочисленных зрителях, и добравшись до макушки, сорвать кусок привешенной материи и получить за свое удалство положенную награду деньгами или вином. Иногда натирают шест коровьим жиром, но молодцы уstraняют это неудобство, натирая себе руки золою, что даст им возможность удерживаться на гладкой поверхности шеста».²¹ Важно, что все участники деревенского праздника выступали в роли исполнителей, а не потребителей; это свойство активного, не потребительского отношения к развлечениям, органично присущее традиционной культуре, позволяет говорить о перспективности практического использования народного опыта и в сфере досуга.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГРОМЫКО М. М. Мир русской деревни. М., 1991, с. 6.
2. См.: Огонек. 1991. № 49. с. 12.
3. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. с. 160—174.
4. КАУФМАН А. А. Сельскохозяйственная община и успехи сельского хозяйства Сибири. Спб., 1894. с. 176.
5. Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 40—44.
6. См.: МИНЕНКО Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII—первая половина XIX в. М., 1991. с. 18—98.
7. ГРОМЫКО М. М. Культура русского крестьянства XVIII—XIX веков, как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. с. 49.
8. Великорусские сказки Пермской губернии. Сб. Д. К. Зеленина. М., 1991; Материалы по этнографии Уральского края // Записки УОЛЕ. 1874. т. I. Вып. 2, с. 126—129.
9. См.: Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. с. 292—331.
10. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1. с. 191.

11. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.
12. Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 122. Л. 5—5. об., 26; д. 123. л. 4 и др.
13. См.: МИНЕНКО Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.
14. ТОКМАКОВ И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья с уездом. М., 1899. с. 58—61.
15. Пермские губ. ведомости. 1857. № 17. 26 апреля. Часть официальная. с. 58.
16. ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 81. Л. 139.
17. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 403, Л. 1—2 об.
18. Записки УОЛЕ. 1878. Т. IV. с. 51—55;
19. ТОКМАКОВ И. Историко-статистическое. с. 58;
20. Пермские губ. ведомости. 1856. № 12. Часть неофициальная, с. 51.
21. Там же. С. 51—52.